Александр Широкорад
РОССИЯ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ
ВОЙНЫ

Александр Борисович Широкорад
Россия на Средиземном море

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181803
Россия на Средиземном море / А.Б. Широкорад.: АСТ: АСТ МОСКВА; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-054878-1; 978-5-9713-9493-8

Аннотация

Средиземное море стало колыбелью европейской цивилизации. Во времена античности и раннего Средневековья господство на нем ассоциировалось с владением всем миром. Интересы государства Российского также требовали постоянной дислокации нашего флота в этом регионе. Со времен Екатерины Великой все без исключения правители отправляли туда боевые корабли. Очевидно, что без присутствия там русского флота политическая карта Средиземноморья оказалась бы совсем иной.

Содержание

Введение 4
Глава 1 10
Глава 2 31
Глава 3 59
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Александр Борисович Широкорад Россия на Средиземном море

Введение Как русы попали в Средиземное море

Средиземное море справедливо называют колыбелью европейской цивилизации. В античные времена владение этим морем было равносильно владению всем миром. Восточных славян от Средиземного моря отделяло Черное море, проливы которого со II века до н.э. контролировались Римом, затем до 1453 г. – Византией, а по сей день – турками. Борьба русского народа за обеспечение свободного выхода в Средиземное море – тема особая, и я отсылаю читателя к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград».

Тем не менее русы – купцы и воины – появились в Средиземном море еще в IX веке. Так, в греческом «Житии преподобной Афанасии» повествуется о походе русов на остров

Эгину, расположенный вблизи побережья, где стоят Афины. Поход на Эгину относится к 813 г.[1].

А в июне 860 г. русы напали на Константинополь. Из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору. Византийский автор описывает это нашествие следующим образом: «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ, …посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять…»[2]

Взять Константинополь тогда росам (русам) не удалось,

---

[1] Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси. Ленинград, 1950.С. 12.

[2] Древняя Русь в свете зарубежных источников/ Под ред. Е.А. Мельниковой, М.: Логос, 2003. С. 90—91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам набегу россов.

но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

Византийские источники и русские летописи приводят различные причины ухода русов. По одной из них, к Константинополю форсированным маршем подошел император Михаил с большим войском, которое ранее направлялось для войны с арабами. По другой версии, разразилась страшная буря, изрядно потрепавшая суда россов. Наконец, по третьей версии, византийцы и россы заключили мир, и последние, получив солидные откупные, отправились домой.

А кем были русы? Самое интересное, что еще до 860 г. арабские историки довольно много писали о русах (ар-рус, или ар-русийа). Первое упоминание арабов о русах относится к 832 г. Любопытно, что с начала X века арабы называют Черное море Русским морем (бахр ар-рус). Причем арабы не отождествляют русов с варягами – они именуют Балтийское море Варяжским (бахр Варанк).

Опять упираемся в вопрос, кто же такие русы? Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плавание на

гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

К варягам, двигавшимся по рекам России, не могло не приставать местное население. В результате образовывались смешанные дружины, передвигавшиеся на гребных судах, которые и назывались русами или русью.

В 860 г. предводителем русов был князь Аскольд. Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей[3] и тех победив…».

Июньским днем 862 г. к Киеву с севера подошел караван ладей с купцами-русами. Они причалили к берегу, и начался тор г. Князья Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли посмотреть на товары и узнать новости. Внезапно с ладей выскочили спрятанные там варяги. После короткой стычки Аскольд и Дир были убиты.

Изумленные горожане узнали, что перед ними не купцы, а дружина русов во главе с воеводой Олегом, который при-

---

[3] Кривичи – славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

ходился каким-то родственником Рюрику и привез с собой из Новгорода Игоря – малолетнего сына Рюрика.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Олег с честью похоронил князя Аскольда. В летописях и былинах есть упоминание об «аскольдовой могиле», при этом о «дировой могиле» никаких сведений нет.

Интересно, что ни в русских, ни в византийских источниках не упоминается о какой-либо самостоятельной деятельности киевского князя Дира. Просто он в 862 г. следует как тень за Аскольдом на берег Днепра. А был ли мальчик?

Три арабских автора IX—X веков – ал-Йа'куба, Ибн Хаукаль и ал-Мас'уди – упоминают о набегах русов в Испанию. В частности, «ар-рус» в 844 г. напали на город Севилью. Причем упоминается предводитель русов какой-то Аскольд аль-Дир.

Замечу, что имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает «честь ариев». Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее предопределена. А Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dyr, Djur означает «зверь».

Через несколько лет Аскольд аль-Дир приходит в Киев и, судя по всему, занимает его без борьбы. Киевляне признают его своим князем. А вот позже русские летописцы, видимо,

из-за какой-то описки в не дошедших до нас манускриптах превратили князя русов в двух князей – Аскольда и Дира.

Так что Аскольд, нападавший на Испанию, и киевский князь Аскольд – одно и то же лицо. Дружины русов не только воевали с византийцами, но и часто нанимались на службу к византийским императорам. Отслужив, ладьи русов отправлялись восвояси в Черное море или шли гулять в Средиземное. На последнее византийские императоры смотрели сквозь пальцы, если, конечно, русы не трогали их владений. Таким образом, наши предки в далеком IX веке познакомились с теплым Средиземным морем. Но увы, в XIII веке Русь была отрезана от Черного моря татарами, которых в конце XV века поддержали османы.

В конце XVII века молодой царь Петр попытался прорубить окно в Средиземное море. Он взял Азов, построил азовский флот, но в конце концов потерпел неудачу. Императрица Анна Иоанновна повторила попытку своего великого дяди. На Дону и Днепре был построен флот, русские войска взяли Очаков и разорили Крым, но, увы, согласно Белградскому миру 1739 года, Россия вернулась к исходным позициям. Черное море осталось турецким озером.

Глава 1
«Подпалить османов с четырех концов»

28 июня 1762 г. в Петербурге случился государственный переворот, то есть дело для того времени в общем-то обычное. После царя Федора Алексеевича монархия в России была выборная – монарха выбирали «большие батальоны». Стрельцы привели к власти Софью Алексеевну, «потешные» – Петра Алексеевича, петербургские гвардейцы – Анну Иоанновну и Елизавету Петровну. На сей раз гвардия посадила на престол 33-летнюю Екатерину, жену императора Петра III, в девичестве Софию Фредерику, принцессу Ангальт-Цербскую.

6 июля 1762 г., полдень. К Зимнему дворцу прискакал гонец на взмыленной лошади. Нарушая все правила этикета, во внутренние покои императрицы ворвался рослый красавец вахмистр конной гвардии Григорий Потемкин. Тяжело дыша и запинаясь, он произнес: «Из Ропши от Орлова, Вашему Величеству…» Екатерина молча разорвала пакет и прочла: «Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. По-

гибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором [Барятинским]. Не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил. Прогревали тебя и погубили души навек».

Наконец-то Екатерина избавилась от ненавистного мужа, который и в заточении был самым опасным ее конкурентом.

На следующий день, 7 июля, был опубликован манифест. В нем сообщалось, что «бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в прежестокую колику». Далее в манифесте говорилось, что больному было отправлено все необходимое для лечения и выздоровления, «но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался».

Теперь дело оставалось за русской «Железной маской» – безымянным узником Шлиссельбургской крепости. И вот

5 июля 1764 г. подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович поднимает по тревоге 45 солдат своего полка и ведет их на штурм равелина, где томился Иван Антонович (1740—1764, годы правления 1740—1741). Тю-

ремщики «Железной маски» капитаны Власьев и Чекин закололи шпагами арестанта. Мирович, увидев труп бывшего императора, добровольно сложил оружие.

Екатерина прекрасно осознавала шаткость своего положения на троне. Фраза «к власти можно прийти на штыках, но сидеть на штыках нельзя» будет произнесена Первым консулом лишь спустя 37 лет, но Екатерина думала именно так. Не будучи легитимным монархом, на престоле можно удержаться, лишь захватив страну какой-либо идеей, ведя войны и внутренние реформы. Спору нет, Екатерина провела реформ в России больше, чем любой из царей, за исключением Петра Великого. Но реформы – дело длительное, а в России они часто буксуют или вообще дают эффект, противоположный задуманному. Так что Екатерине срочно была нужна «победоносная война», но, увы, страна к войне готова не была.

Однако Екатерине не пришлось долго ломать голову над этой проблемой. События в Речи Посполитой бросили вызов ей и всей Российской империи. Был бы на ее месте даже Петр III, и ему все равно пришлось бы воевать, поскольку затрагивались жизненные интересы страны.

К великому сожалению, среди нашей интеллигенции, увы, плохо разбирающейся в отечественной истории, бытует мнение, что-де Екатерина вела агрессивную политику по отношению к Польше, что привело к трем ее разделам и окончательной гибели Речи Посполитой.

Польские и западноевропейские историки уже два с половиной века с удовольствием ищут виноватых в разделе Речи Посполитой. В числе «злодеев» оказались Богдан Хмельницкий, монархи Пруссии, Австрии, России и другие, вплоть до… Молотова и Риббентропа. Когда так много виноватых, поневоле задумаешься и о жертве.

На самом деле деградация Польского государства началась еще в XV веке, а в XVII веке Речь Посполитую можно считать государством с очень большой натяжкой. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, холопов, любимую женщину, и при этом он плевать хотел на королевскую власть. Говоря современным языком, паны жили не по законам, а «по понятиям».

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. При этом польский народ, не говоря уж о диссидентах – православных и протестантах, никакого отношения к выборам не имел. Все решали знатные паны. Причем выбор кандидата определяло не столько число голосов панов на элекционном сейме, сколько число сабель в частных армиях панов избирателей. Правда, паны, у которых оказалось меньше сабель, с конца XVII века начали приглашать «избирателей» из-за рубежа. Страны-соседи обычно не отказывали обиженной части панов и направляли в Речь Посполитую стройные ряды «избирателей» с мушкетами и пушками. Наибольшую активность проявляли шведский, саксонский, австрийский

и французский «электораты». Матушка Россия тоже, естественно, не оставалась в стороне.

Первое время русские войска «таскали каштаны из огня» для других. С 1697 г. Польшей правили саксонские курфюрсты из Альбертинской линии династии Веттинов – Август II и Август III. Попытки шведов, а затем французов сменить эту династию оканчивались вводом «ограниченного контингента» русских войск и восстановлением власти очередного Августа. Следует заметить, что саксонские курфюрсты были польскими королями лишь по совместительству. Оба Августа постоянно проживали в Дрездене – столице Саксонии, а в Варшаву наведывались лишь эпизодически.

5 октября 1763 г. умер польский король Август III. Екатерина II вопреки мнению прежнего мэтра русской внешней политики престарелого графа Бестужева-Рюмина отказалась поддерживать саксонскую династию и решила посадить на престол 31-летнего графа Станислава Понятовского. Екатерина заручилась поддержкой прусского короля Фридриха II, и в августе 1764 г. на элекционном сейме граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала графу Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

Замечу, что граф Понятовский не принадлежал ни к одному царственному роду, хотя Екатерина II и величала его

Пястом. На самом деле Пясты – династия древних польских королей – вымерли в Польше в XIV веке, а боковые ветви – в Силезии в XVI веке. Зато у Стася Понятовского имелось два достоинства: во-первых, он являлся активным членом «русской партии» среди польских магнатов, а во-вторых, в 1755—1760 г г. он был любовником цесаревны Екатерины Алексеевны.

На последнем и решили сыграть польские паны, недовольные правлением нового короля. Знатные ляхи зачастили в Стамбул, где стали внушать придворным султана, что «русская кралица» возвела на престол своего любовника Стася, чтобы сочетаться с ним браком и династической унией объединить Российскую империю и Речь Посполитую.

Османские министры собрали все анекдоты об амурных похождениях Екатерины, ходившие при европейских дворах, и пришли к выводу, что от такой дамы «чего не может статься». А объединение двух славянских государств представляло страшную угрозу Порте, да и турки сами зарились если не на всю Польшу, то на ее южную часть.

Поводом для войны стало нападение гайдамаков (малороссийских повстанцев) на пограничную турецкую деревню Галту в Подолии. Понятно, что Россия не имела никакого отношения к инциденту, но в Стамбуле это никого не интересовало.

25 сентября 1768 г. султан Мустафа III повелел заключить русского посла Алексея Обрескова в Семибашенный замок

и объявить России войну. Причем войну не обычную, а священную! Султан считал себя «тенью Аллаха на земле» и духовным главой всех мусульман. Посему из Стамбула в Среднюю Азию и даже в Казань полетели грамоты с призывами подниматься на священную войну против нечестивцев.

Екатерина II, занятая по горло Польшей, а главное, внутренними преобразованиями в империи, всячески оттягивала войну и в 1765—1768 г г. пошла на ряд уступок султану. Однако, узнав об объявлении войны, императрица пришла в ярость. Из письма Екатерины к послу в Англии графу И.Г. Чернышеву: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие».

Объявляя войну России, султан и его окружение надеялись на ее быстрое окончание. Турецкое командование решило сосредоточить на границе с Польшей главную армию в 400 тысяч человек, к которой ожидалось присоединение армии польских конфедератов. Главный удар предполагалось нанести из района Хотина на Варшаву, а затем действовать двумя группами на Киев и Смоленск. Главной армии должны

были содействовать 80-тысячная армия из Крыма, получившая задачу сковать русские войска, расположенные на Украине, и, наконец, отвлекающий удар предусматривалось нанести силами 50-тысячной армии через Северный Кавказ на Астрахань. В этих целях турецкое командование наметило высадить десант в районе Азова, который должен был действовать совместно с закубанскими татарами и горцами.

Турецкий план войны был достаточно обоснован. Турки могли поставить под ружье более солдат, чем любое государство Европы. Формально в случае войны каждый правоверный, способный носить оружие, должен был встать под знамена султана. Турецкий воин был храбр, вынослив, неприхотлив в походе.

Турция имела большой военный и транспортный флот и могла легко высадить десант в любой точке побережья Черного и Азовского морей. Турецкая армия и флот опирались на систему мощных крепостей на Днестре и Днепро-Бугском лимане. В Крыму турки имели крепости Керчь и Кафу (с 1783 г. Феодосия).

Традиционным театром военных действий между турками и русскими было Причерноморье, включая Дикую степь и территорию современной Румынии, а вторым фронтом был Кавказ. И на сей раз основная ударная сила русской 80-тысячной 1-й армии князя А.М. Голицына готовилась к походу на Дунай; 40-тысячная 2-я армия, дислоцированная в районе Елизаветграда (с 1954 г. Кировоград), должна была дей-

ствовать в Причерноморье; Отдельный корпус генерала Медема предполагалось направить на Кавказ.

Однако Екатерина решила нанести Турции еще один удар – послать эскадру в Средиземное море. В 1768 г. этот план выглядел полнейшей авантюрой. Покойная Елизавета Петровна никак не могла взять в толк, почему в Англию нельзя проехать в коляске. Да и Мустафа III, и его министры долго смеялись, когда французский посол предположил, что русские корабли могут оказаться в Средиземном море. Даже с точки зрения современной военной морской стратегии действия эскадры без операционных баз – полнейший бред. Ведь войну 1768—1774 г г. Россия вела без союзников. Где будут базироваться и ремонтироваться русские корабли? Кто будет снабжать эскадру продовольствием? Где будут лечиться раненые и больные?

Екатерина не боялась риска, но никогда не пускалась в авантюры. На что же она надеялась на сей раз?На пиратов!

Да, да! На пиратов и сухопутных разбойников. Ну, кого коробят эти слова, пусть называют их повстанцами, борцами за свободу и т.п.

В июле 1762 г. в России произошел не очередной дворцовый переворот, а революция умов. К власти пришли люди с более высоким уровнем мышления.

Вступив на престол, Екатерина ни на секунду не сомневалась, что рано или поздно ей придется воевать с турками. Как мы уже знаем, она всеми силами пыталась оттянуть вой-

ну, но с первых дней своего царствования стала готовиться к войне с османами.

В исторической литературе давно идет спор о том, кто был автором плана нанесения удара по Турции со стороны Средиземного моря. Большинство авторов склонны приписывать эту идею Григорию Орлову. Я же считаю, что автором этого проекта была сама Екатерина, хотя и допускаю, что на это ее натолкнули англичане.

До Екатерины русские как военные, так и торговые суда не заплывали в Средиземное море. И вот в 1763 г. тульский купец Владимиров ни с того ни с сего организует акционерную компанию с капиталом в 90 тыс. рублей (!) для торговли со странами Средиземноморья. А новая царица, едва-едва сидящая на троне, вступает в число акционеров компании и дает ей 10 тыс. рублей. Мало того, 23 октября 1763 г. в Петербурге специально для похода на Средиземное море закладывается фрегат[4] «Надежда Благополучия». Уже 4 июня 1764 г. фрегат был спущен на воду, а в августе вышел из Кронштадта под торговым (купеческим) флагом[5] с грузом

---

[4] Фрегат – трехмачтовое парусное военное судно с полным парусным вооружением. Нес от 30 до 60 пушек на нижнем деке и верхней палубе. Принципиальной разницы между большими фрегатами и малыми кораблями не было. В ряде флотов мира, включая русский, встречали и гребные фрегаты. Основным движителем их был парус, но при необходимости использовались и весла. Огневая мощь и мореходность гребных фрегатов были заметно хуже, чем у обычных фрегатов. Гребные фрегаты предназначались в основном для огневой поддержки гребных судов в прибрежных водах.

[5] Торговый флаг – это современный государственный флаг Российской Феде-

железа, полотна, канатов и т.д. Тем не менее экипаж состоял из военных чинов, фрегат нес полное артиллерийское вооружение – 34 пушки.

В декабре 1764 г. «Надежда Благополучия» прибыла в Ливорно. Товары были выгружены, а взамен принят груз сандалового дерева, свинца и макарон. 12 сентября 1765 г. фрегат благополучно вернулся в Кронштадт.

Больше «компаньоны» судов в Средиземку не отправляли. Официальные источники умалчивают, какие убытки понесла компания в ходе этого похода. Понятно, что это была чисто разведывательная акция, а торговая компания служила крышей. Да и стоял фрегат в Ливорно около полугода, что просто разорительно для обыкновенного купца. По приходе «Надежды Благополучия» в Кронштадт выяснилось, что подводная часть наружной обшивки фрегата из досок дюймовой толщины была источена червями и ее целиком пришлось сменить. Следовало учесть это на будущее, что и не преминули сделать, когда началась подготовка Архипелагской экспедиции («Архипелажной», как ее тогда называли).

Разведка на Средиземном море велась неспроста. Еще в 1736 г. русский посол в Константинополе Вешняков утверждал, что восстание балканских христиан и русская помощь

рации. В царствование Александра III его сделали государственным флагом России. Изображения же на обложках школьных учебников гренадеров 1812 г., идущих в бой под трехцветным флагом, являются фальшивкой продажных историков. Триколор в вооруженных силах впервые был использован в белых армиях в 1919 г., а затем немцами во власовской армии.

им оружием – самый верный путь для победы над Турцией.

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков – Мануила Саро и артиллерийского офицера Папазули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Папазули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольное число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки – народ смелый и храбрый».

С началом войны Екатерина смогла уже открыто обратиться к балканским христианам с призывами к восстанию. 19 января 1769 г. был обнародован «Манифест к славянским народам Балканского полуострова». Там говорилось: «Порта Османская по обыкновенной злобе ко Православной Церкви нашей, видя старания, употребляемыя за веру и закон наш, который мы тщилися в Польше привести в утвержденныя трактатами древния его преимущества, кои по време-

нам насильно у него похищены были, дыша мщением, презрев все права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вероломству, разруша заключенный с нашею империею вечный мир, начала несправедливейшую, ибо безо всякой законной причины, противу нас войну, и тем убедила и нас ныне употребить дарованное нам от Бога оружие…

Мы по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в турецком порабощении единоверным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждый особенно, полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость, ополчась где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинять».

Несколько аналогичных посланий было направлено и к грекам. В своем узком кругу императрица неоднократно говорила, что следует поджечь империю османов со всех четырех концов.

Что же происходило на самом деле на Балканах и в Греции, и достаточно ли было посланий Екатерины, чтобы запылал этот угол Османской империи?

Довольно сложная ситуация сложилась к 1768 г. в Албании. К этому времени административная власть там фактически перешла в руки албанской знати и, подобно их имени-

ям, переходила по наследству, вне зависимости от воли турок. Единой власти в Албании не было, ее делили несколько знатных родов.

Самым сильным рычагом турок были налоги. Их взимали исключительно с христиан, а мусульмане не платили их вовсе. Причем в большей части Албании финансовый налог взимался с целой деревни, то есть чем больше людей принимали ислам, тем большую сумму приходилось платить оставшимся христианам. Поэтому к XVIII веку около половины албанцев стали мусульманами, а оставшиеся христиане поровну делились на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, а православные христиане составляли большинство в Южной Албании.

Переход албанцев-христиан в мусульманство часто носил формальный характер. Поскольку фискальной и юридической единицей для турецких властей был дом, то первоначально лишь глава дома принимал мусульманство. Многие из новообращенных мусульман втайне оставались христианами, наряду с новым мусульманским именем сохраняли прежнее христианское. Вопреки проповедям фанатичного мусульманского духовенства мусульмане албанцы вместе с христианами праздновали Пасху и другие христианские праздники. Были не редкостью смешанные браки.

Именно разделением албанского населения на мусульман и христиан можно объяснить тот факт, что одна часть ал-

банцев храбро дралась на стороне турок, а другая, наоборот, сражалась с ними на суше и на море. Так, еще в октябре 1759 г. правители южной горной православной области Химары обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой принять на русскую службу один или два химарских полка, служивших тогда Венеции и королю Обеих Сицилий, «дабы в случае с Османской Портою разрыва возможную диверсию в соседственных с нами османских областях, по примеру равных нам как в вере, так и правлении черногорцев, производить и делать могли». По расчетам химариотов, в подобной «диверсии» могли бы участвовать до 20 тысяч их солдат.

Наибольшие же надежды на помощь в войне с Турцией Екатерина и братья Орловы возлагали на Грецию, томившуюся под турецким игом еще с XV века. Налоги, взимаемые турками, и поборы местных феодалов заставили население Греции трудиться буквально от зари до зари. При этом значительная часть продуктов сельского хозяйства шла на экспорт. Так, Македония и Фессалия экспортировали во второй половине XVIII века 40% производимого зерна и более 50% табака и хлопка. Не менее широко экспортировали из материковой Греции и с островов Архипелага вино и фрукты.

С начала XVIII века интенсивно развивалось греческое судоходство, центром которого стали три небольших острова – Идра, Специя и Псара. Еще в середине XVII века эти острова были почти не населены. Немногочисленные жители Идры и Специи существовали за счет рыболовства и тор-

говли.

Греческие купцы, совершая деловые поездки в города Западной и Центральной Европы, подолгу жили там, обзаводились домами, зачастую оставаясь навсегда. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и в других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII века стал город Нежин. Здешней греческой общине, состоявшей в основном из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии.

В отличие от Албании в Греции исламизация не приняла массового характера. Подавляющее большинство населения осталось православным. При этом во многих областях, особенно на малых островах, главными администраторами (правителями) были православные епископы.

Ненависть к туркам и бедность стали основными причинами развития повстанческого движения в Греции. Тут я не буду следовать традициям гоголевских дам, которые говорили про вонючий стакан, что он-де «дурно себя ведет», а буду называть кошку кошкой. Я лично не могу провести грань между греческими повстанцами и грабителями. И пусть греки не обижаются, такое было в свое время во всех странах Европы. Современные дамы сокрушаются, что «перевелись рыцари среди наших мужчин». Настоящий западноевропейский рыцарь считал своим законным правом грабить всех проезжих купцов или по крайней мере заниматься рэкетом.

Ну а задирать юбки всем встречным женщинам – так это уж «сам Бог велел». Так что, милые дамы, утешьтесь: рыцарство в Российской Федерации с 1991 г. возрождается самыми быстрыми темпами.

Греки, бежавшие в горы, образовывали отряды клефтов. Естественно, что большинство клефтов по происхождению были крестьянами. В переводе с греческого клефт – вор, и нетрудно догадаться, что такое прозвище повстанцев исходило от турок и их клевретов. Командиры отрядов клефтов назывались капитанами. Основными базами отрядов клефтов служили Пинд, Олимп и горы Пелопоннеса.

Следует заметить, что турки за более чем 300 лет владычества над Грецией так и не смогли взять под свой контроль ряд горных районов – Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит). В социально-экономическом отношении это были наиболее отсталые области Греции. Там сохранялись еще сильнейшие пережитки патриархально-родовых отношений. Управляли этими областями капитаны.

Турецкие власти безуспешно боролись с клефтами. В конце концов они были вынуждены легализовать отдельные отряды клефтов, поручив им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у турок, стали называться арматолами (от итальянского armato – вооруженный). Но грань между арматолами и просто клефтами оставалась весьма условной. Некоторые отряды арматолов, не поладив с турецкими властями, снова ста-

новились клефтами.

Но греческие повстанцы-разбойники действовали не только на суше. Если на материковой части Греции турецким властям худо-бедно удавалось контролировать большую часть территории, то на островах дело обстояло совсем иначе. Подавляющее большинство населения островов составляли православные. Лишь на нескольких островах, как, например, на Хиосе, жили мусульмане, да и там они не доминировали. На нескольких крупных островах турки построили крепости и содержали гарнизоны, но на большинстве островов османов не было.

Жители многих греческих островов еще в XVI веке начали промышлять пиратством. Как писал в 1785 г. Матвей Коковцев[6]: «Жители острова Индрос [Идра. – *А.Ш.*] по бесплодию своего острова склонны к разбоям».

В 1692 г., то есть за 76 лет до описываемых событий, английский офицер Робертс потерпел кораблекрушение у мыса Иос и был взят в плен греческими пиратами. Несколько лет он служил канониром на пиратских кораблях, а затем, вернувшись в Англию, написал воспоминания. Они вошли в «Собрание необычных путешествий, изданное капитаном Уильямом Хакке», четыре тома которых вышли в Лондоне в 1699 г.

Робертс писал, что греческие пираты зимовали обычно от середины декабря до первых дней марта на островах Эгей-

---

[6] Коковцев М.Г. Описание Архипелага, СПб., 1786.

ского моря, охотнее всего на Паросе, Антипаросе, Мелосе и Иосе. Затем они перебирались на обрывистый и изобилующий удобными и укромными бухтами остров Фурни, расположенный между Самосом и Икарией. На холме выставлялся часовой, он подавал сигнал маленьким флажком при появлении в море какого-нибудь паруса. Тогда пиратские суда выскакивали из узкого выхода из бухты на востоке острова Фурни и устремлялись к Самосу на перехват купца.

Точно так же пираты действовали всю весну и первую половину лета у островов Некария, Гайдарокиси и Липса, с учетом их географических особенностей. В июле они, как правило, перебирались к Кипру, Родосу и Египту – поближе к Сирии, и там занимались ремонтом своих судов и сбытом награбленного.

Осень пираты снова проводили в засадах, а зимой разбредались по своим селениям к женам и детишкам с тем, чтобы весной начать все сначала. Любопытный штришок – все православные церкви острова Иос были построены на благочестивые пожертвования пиратов.

Лишь наиболее отчаянные парни выходили на промысел зимой в штормовое море. Но добыча в это время года была невелика, и пираты в основном грабили побережье. В «Описи государственных документов» Венеции сохранилось письмо губернатора Занте (так итальянцы называли греческий Закинф), датированное 1603 годом. В письме губернатор жаловался на пиратов, серьезно подорвавших венециан-

скую торговлю тем, что «они выходят в море даже в середине зимы и в самую бурную погоду благодаря маневренности своих кораблей и мастерству своих моряков».

Греческие пираты создали на островах Эгейского моря десятки больших и малых баз. Пираты, писал Робертс, «заполонили своими гребными лодками все уголки Киклад и Мореи и превращали в свою законную добычу любой корабль, неспособный к защите, или входили ночью в селения и жилища на ближайшем побережье, забирая все, что они могли найти. Суда этого типа, называемые здесь траттами, кишели в каждой бухте; они длинные и узкие наподобие каноэ; 10, 20 или даже 30 человек, каждый вооруженный мушкетом и пистолетом, гребли с большой быстротой, а когда ветер был благоприятным, использовали также маленькие мачты с латинскими парусами».

Восточный мыс острова Сапьендза высотой 217 метров с отходящей от него на полкилометра к северу отмелью глубиной не менее 10 метров долгое время назывался французами Наблюдательной Вышкой Пиратов. Здесь они завлекали к себе в засаду турецкие и европейские корабли, шедшие в Левант, но нередко завершавшие свой путь у Сапьендзы.

Союзниками греческих пиратов были мальтийские рыцари, которые с XV века вели почти непрерывную войну с османами на суше и на море. В XVI веке турки несколько раз высаживались на Мальте, но им ни разу так и не удалось взять главную твердыню рыцарей – крепость Ла-Валлетту.

Последний раз турки высадились на острове в 1615 г. и вновь потерпели неудачу. Постепенно борьба с турками переросла в откровенное пиратство, причем рыцари открыто грабили не только мусульманские, но и христианские суда. Начиная со второй половины XVII века Мальта превратилась в один из крупнейших невольничьих рынков Средиземноморья. Риторический вопрос – как верхушка ордена смогла обеспечить себе сказочное богатство, располагая островом, длина которого всего 25 км? На какие шиши, пардон, строился мощный флот, возводились роскошные здания? Спору нет, мальтийские рыцари обладали поместьями за рубежом, шли пожертвования, но, увы, основной статьей дохода рыцарей оставались пиратство и работорговля.

Мальтийские рыцари не видели в греческих пиратах конкурентов, а наоборот, давали приют их кораблям и командам. Мальта настолько прославилась пиратством, что французские моряки называли остров Иос (Кикладские острова), бывший пристанищем греческих пиратов, «Маленькой Мальтой».

Как видим, во владениях Османской империи на берегах Адриатического, Ионического и Эгейского морей скопилось немало взрывчатого материала. Вопрос был лишь в том, удастся ли Екатерине поджечь его?

Глава 2
Русский флот выходит в океан

Екатерина II и ее окружение прекрасно понимали, что без поддержки русских регулярных сил любое восстание в Греции и на Балканах не только заведомо обречено на поражение, но даже не способно будет оттянуть на себя значительное число османских войск. Поэтому Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда. Мы помним, что даже «Надежда Благополучия» не пошла далее Ливорно.

В состав эскадры вошли семь кораблей[7] («Европа», «Свя-

---

[7] Корабль – парусное военное судно, несло 3 мачты с прямыми парусами. Корабли с XVII до середины XIX века являлись основной силой военно-морских флотов. Они вооружались от 50 до 100, а в XIX в. до 130 орудиями крупного и среднего калибра, которые располагались на одной – трех закрытых палубах (деках) и на открытой палубе. В русском флоте к началу царствования Екатерины II максимальный калибр был 36 фунтов (172 мм) для пушек и 1 пуд (196 мм) для единорогов. Минимальным калибром были 8– или 6-фунтовые пушки. Пушки меньших калибров и Кугорновы мортиры в счет не шли, их устанавливали в различных местах корабля по мере необходимости или переставляли шлюпки и барказы корабля. С середины XIX в. повелось кораблем называть любое крупное судно. А в начале XX в., после появления «Дредноута», броненосцы дредноутного типа и старые броненосцы были переклассифицированы в линейные корабли. К сожалению, наши малограмотные историки с середины XX в. стали применять термин «линейный корабль» к кораблям XVIII—XIX вв. Не пора ли нашим ти-

тослав», «Святой Евстафий Плакида», «Трех Иерархов»[8], «Святой Иануарий», «Северный Орел» и «Трех Святителей», из которых «Святослав» был 80-пушечный[9], а остальные – 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардирский корабль «Гром», четыре 22-пушечных пинка[10] – «Соломбала», «Лапоминк», «Сатурн» и «Венера» (в ряде документов они именовались транспортами), а также два пакетбота[11] – «Летучий» и «Почталион».

Эскадра получила название «обшивная», поскольку кор-

тулованным историкам начать уважать историю и русский язык. В русском языке есть частные понятия и обобщающие понятия, включающие в себя совокупность частных. Так, дуб, сосна и береза обозначают конкретные породы деревьев, а их совокупность называется деревьями. А нашим историкам до лампочки разница между карронадой, пушкой и мортирой, и вместо того, чтобы применить к их совокупности общее понятие «орудие» или «артиллерийское орудие», они всех их записывают в пушки. Точно так же шебеки, бриги и галеры в XVIII в. – это не корабли, а их совокупность в русском языке обозначается четко и ясно – суда. В крайнем случае в книгах для младшего и среднего школьного возраста можно указывать это в примечаниях.

[8] Назван Екатериной II в честь иерархов русской православной церкви Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

[9] Это ранг числа, фактически на нем могло стоять несколько меньше или несколько больше пушек.

[10] Пинк – торговое судно, которое в Средиземном море часто называли барк. Пинк нес обычно 3 мачты с косыми, реже прямыми парусами. Характерное отличие – наклон крайних мачт в сторону носа (фок-мачта) и кормы (бизань-мачта).

[11] Пакетбот – от английского «почтовое судно». Предназначено для посыльной службы, перевозки почты и пассажиров. Для самообороны пакетботы имели до 16 пушек малого калибра.

пуса всех ее судов были обшиты снаружи дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не источил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия». Естественно, что обшивка уменьшала скорость хода и увеличивала осадку судов.

Артиллерию эскадры составляли 640 пушек. Помимо личного состава (3011 человек), на судах находились взятые сверх нормы десантные войска – 8 рот Кексгольмского пехотного полка и 2 роты артиллеристов, мастеровые для ремонта кораблей и артиллерии, в общей сложности 5582 человека.

По совету адмирала Семена Ивановича Мордвинова и общему мнению Адмиралтейств-коллегии Екатерина предложила командование эскадрой Григорию Андреевичу Спиридову, тогда еще вице-адмиралу. Он непосредственно руководил подготовкой и комплектованием кораблей и несравненно лучше других военачальников знал достоинства и недостатки эскадры. К изумлению и недовольству императрицы, 56-летний Спиридов отказался от лестного назначения, ссылаясь на возраст и на болезни. Екатерина быстро смекнула, что дело тут не в болезнях, а в амбициях адмирала. Видимо, тот не очень хотел попасть под начало 34-летнего Алексея Орлова. Екатерина традиционно схитрила – присвоила Спиридову звание полного адмирала и назвала его первым флагманом флота. В рескрипте, подписанном Екатериной и врученном Спиридову, говорилось: «…Провезти су-

хопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды». Ни слова о подчинении эскадры Орлову не было в этом многозначащем документе. Спиридов поверил и согласился.

17 июля 1769 г. Екатерина посетила корабли, стоявшие на Кронштадтском рейде, вручила адмиралу орден, приказала выдать всем назначенным в экспедицию четырехмесячное жалованье «не в зачет» и потребовала немедленного выхода эскадры в плавание.

Делать было нечего, вечером следующего дня эскадра поставила паруса, вышла из Кронштадта и… стала у Красной Горки, откуда ее можно было увидеть из Кронштадта, но нельзя было увидеть из Петергофа в самую сильную подзорную трубу. И лишь 26 июля эскадра Спиридова по-настоящему ушла в плавание.

Между тем в Париже и Мадриде начали грозить не пустить русскую эскадру в Средиземное море.

Франция имела большой и сильный флот. Она не только могла не пропустить русской эскадры на Средиземное море, но и направить свои корабли на Балтику и Черное море, что привело бы к непредсказуемым для России последствиям.

Однако в Петербурге помнили пословицу: «Враг моего

врага – мой друг». Столь же хорошо помнила ее и Англия, которая уже много столетий была непримиримым врагом Франции. Только в XVIII веке между этими странами прошли три тяжелые войны 1702—1714 г г., 1744—1748 г г. и 1756—1763 г г. Тем не менее эти войны не только не разрешили кардинальные противоречия между противниками, но и усугубили их. Назревала новая война, началась она уже после окончания русско-турецкой войны в 1778 г. и продолжалась до 1783 г.

Англичане любили воевать чужими руками и с большим удовольствием стравливали Россию с Людовиком XV. Кроме того, на внешнюю политику Лондона сильно влияла зависимость Англии от русской торговли. В 60-х – 80-х годах XVIII века в русские порты ежегодно прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

В итоге в ходе первой турецкой войны 1768—1774 г г. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

Во время прохождения русских эскадр в 1769—1774 г г. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в пор-

ту Мак-Магон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

В Средиземном море благожелательно к России относилось руководство Мальтийского ордена, смертельно ненавидевшее турок. Екатерина II послала туда послом маркиза Кавалькабо. Речь шла даже о совместном участии русского и мальтийского флотов в войне с турками. Однако позже из-за бестактного поведения маркиза на Мальте орден так и не вступил в войну с османами, но русский флот мог свободно базироваться на острове.

Русская эскадра могла не менее свободно базироваться на «вольный порт» Ливорно, формально принадлежавший герцогству Тосканскому.

Венецианская республика желала союза с Россией, но крайне боялась турок.

Любопытна инструкция, данная Екатериной II русским адмиралам, как вести себя со средиземноморскими пиратами: «Что же касается до африканских в Средиземном море корсаров, выходящих из Туниса, Алжира и других мест, то хотя и считаются они в турецком подданстве, однако же, тем не меньше оставляйте их на пути в покое, и если только они сами вам пакостей делать не станут, и если опять не случится вам застать их в нападении на какое-либо христианское судно, ибо тут, не разбирая нации, которой бы оно ни было, имеете вы их бить и христиан от плена освобождать, дозволяя и в прочем всем христианским судам протекцию нашу,

поколику они ею от вас на проходе пользоваться могут»[12].

Между тем эскадра достигла Копенгагена. На этом коротком отрезке пути на эскадре заболело свыше 300 человек, из которых 54 умерли и были погребены в море.

Русский посланник в Копенгагене генерал Философов писал в Петербург: «По несчастию, наши мореплаватели в таком невежестве и в таком слабом порядке, что контр-адмирал весьма большие трудности в негодованиях, роптаниях и в беспрестанных ссылках от офицеров на регламент находит, а больше всего с огорчением видит, что желание большей части офицеров к возврату, а не к продолжению экспедиции клонится и что беспрестанно делаемые ему в том представления о неточности судов и тому подобном единственно из сего предмета происходят».

Вместо умерших и для устранения некомплекта команды в Копенгагене на борт кораблей было принято до 800 датских моряков.

13 августа в гавань Копенгагена вошел новый 66-пушечный корабль «Ростислав», построенный на Соломбальской верфи в Архангельске и шедший к новому месту службы на Балтику. Своей властью Спиридов приказал его командиру капитану 1 ранга Л.Ф. Лупандину следовать вместе с эскадрой в Архипелаг вместо Кронштадта.

10 сентября эскадра Спиридова покинула Копенгаген. А

---

[12] Чичагов П.В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив». 2002. С. 138.

в ночь на 16 сентября налетел на Скагекский риф в проливе Каттегат пинк «Лапоминк». Командир его капитан-лейтенант Е.С. Извеков пушечными выстрелами предупредил эскадру о катастрофе. Команда была спасена, но штормовая погода не позволила снять пинк с рифа.

Непогода, застигшая эскадру в Северном море, новые повреждения судов (особенно пинка «Венера» и бомбардирского корабля «Гром»), до 700 человек больных вынудили Спиридова укрыться 25 сентября на рейде рыбацкой гавани Гримсби у входа в английский порт Гулль. И тут не обошлось без аварии: корабль «Трех Святителей» сильным ветром был снесен с места якорной стоянки на мель. В результате удара вышло из строя рулевое управление, и корабль был поставлен вместе с «Громом» и «Венерой» к гулльским причалам на ремонт.

Спиридов не хотел рисковать кораблями и идти поздней осенью через Бискайский залив. Надо сказать, что его опасения были небезосновательны. Вспомним, какие тяжелые повреждения получил зимой 1929/30 г. линкор «Севастополь» при прохождении Бискайского залива. Но императрица все время подгоняла: «Вперед! Вперед!»

Приехавший из Лондона в Гулль русский посол граф Иван Григорьевич Чернышев осмотрел эскадру, о чем и донес императрице: «Не так худо нашел я все сделанные адмиралом распорядки, как слышал, но опять и не так, чтоб оные лучше быть не могли. Ну да уже что же делать, быть так! Бо-

лее всего неприятно мне было его видеть самого несколько в унылости, отчего и подчиненные были также невеселы, что я ободрением его и хвалою всего того, что уже сделал, ибо поправить было неможно, разговором с матросами и солдатами, объездом на все корабли, сколько можно, поправить старался. Унылость его произошла от встретившихся препон в плавании, которые то ускорить не дозволяли, чему главная причина – великое множество больных, ибо число оных простирается до 700 человек, с слабыми же и более 800, однако умирает благостию Божиею мало, ибо со времени отправления на всей эскадре, состоящей более 5000, умерло с 40 человек. Все по большей части больны поносами и флюсфиберами, чему и удивляться не должно, ибо 1) половина экипажа состоит из рекрут, которые жительство близ Москвы имели, в числе коих, конечно, половина таких, которые несколько месяцев, как только соху покинули и не токмо к морю и к качке судна, но и к пище нимало привычки не сделали; 2) изнурены были при вооружении флота великими работами и употреблением малой предосторожности в мешании вышедших больных из госпиталя с здоровыми рекрутами, отчего последние все почти по очереди перехворали; 3) от излишнего экипажа великая теснота на кораблях. От стояния на якоре и от употребления зелени и свежего мяса оправляться уже начинают».

Екатерина послала Спиридову письмо, вежливое по форме, но похожее на резкий выговор по содержанию: «С край-

нейшим прискорбием вижу я медленность, с которою вы идете с эскадрою, вам вверенною, и что вы в разных местах мешкаете Бог весть для чего, хотя весь успех вам вверенного дела и зависит от проворства исполнения. Слышу я, хотя вы о том ко мне и не пишите, что и больных у вас много: рассудите сами, не от мешкания ли вашего сие происходит? Когда вы в пути съедите всю провизию да половина людей помрет, тогда вся экспедиция ваша оборотится в стыд и бесславие ваше и мое, хотя я ни иждивения, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не желая для снабжения вас всем, что только споспешествовать могло к желаемому успеху. Прошу вас для самого Бога, соберите силы душевные и не допустите до посрамления пред всем светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит… Бога для не останавливайтесь и не вздумайте зимовать, окроме вам определенного места».

Скрепя сердце Спиридов 10 октября вывел эскадру из Гулля. Точнее, не эскадру, а ее меньшую часть – корабли «Святой Евстафий» и «Северный Орел», фрегат «Надежда Благополучия» и бомбардирский корабль «Гром». Большая же часть эскадры не смогла покинуть порт.

Но это небольшое соединение распалось в шторм в Бискайском заливе. На корабле «Северный Орел» 23 октября открылась сильная течь, и он вернулся в Портсмут. Там он был отремонтирован и дождался 2-й Архипелагской экспедиции. Бомбардирский корабль «Гром» также вернулся в Портсмут – менять мачты. В итоге к Гибралтару 6 ноября

1769 г. пришел один «Святой Евстафий».

Сборным пунктом судов «обшивной» эскадры в Средиземном море заранее был назначен рейд Порт-Магон на Менорке (Балеарские острова). 18 ноября Спиридов на «Св. Евстафии» прибыл в Порт-Магон. А 23 ноября в Порт-Магон на английской бригантине прибыл младший из братьев Орловых – Федор.

Федор Орлов нашел флагмана, «печалию объятого» – несколькими часами ранее скончался его сын генерал-адъютант Андрей Григорьевич Спиридов, шедший вместе с отцом на «Святом Евстафии».

Прибытие Федора Орлова нанесло Спиридову второй тяжелый удар. Орлов вручил флагману инструкцию, где граф Алексей Орлов назначался главнокомандующим всеми русскими вооруженными силами (десантными войсками и флотом) на Средиземном море. Там же была приписка императрицы: «Графу Орлову, по долгой его тамо бытности и знанию, довольно известны быть должны тамошние обстоятельства и народы».

Думаю, пришло время объяснить, как братья Орловы оказались на Средиземном море. Еще летом 1768 г. Алексей и Федор Орловы, первый под именем Островского по названию принадлежавшего ему села Остров, а второй – Богородского, отправились под предлогом поправки здоровья Алексея в путешествие по Европе, а затем к Средиземному морю. 15 августа 1768 г. братья прибыли в Карлсбад, где вели себя

более чем разгульно, хотя, может быть, опохмелившись вином, посещали и Карлсбадскую водолечебницу.

Но вернемся к эскадре Спиридова. К середине декабря 1769 г. в Порт-Магоне собралось семь русских судов – корабли «Святой Евстафий», «Трех Иерархов», «Трех Святителей», «Святой Иануарий»; фрегат «Надежда Благополучия»; пинки «Сатурн» и «Соломбала».

Корабль «Ростислав» 11 января 1770 г. у острова Менорис во время шторма потерял грот– и бизань-мачты и был отнесен к берегам Сардинии, там поставил «фальшивое» парусное вооружение, и под ним «Ростислав» кое-как 26 февраля пришел в Грецию.

Несмотря на все трудности, и Алексей Орлов, и сама Екатерина были настроены бодро и оптимистично. «Надеемся крепко, что дурноты все уже миновались и все теперь пойдет», – писал Орлов. И в ответах Екатерины выражалась та же уверенность, что «все пойдет». «Что же делать, – писала она, – впредь умнее будут. Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

23 января 1770 г. Спиридов вывел пять судов из Порт-Магона (там остался лишь пинк «Сатурн», чтобы дождаться выздоровления больных моряков, свезенных на берег). Наконец 17 февраля в 5 часов пополудни русские корабли прибыли в порт Вистулу у берегов Мореи – месту, назначенному

инструкцией императрицы.

Алексей Орлов решил высадить первый десант в греческом порту Витулло[13] на полуострове Майна. Жители этого полуострова (майноты) существовали главным образом грабежом и разбоем и никогда не признавали над собой власти турок.

18 февраля 1770 г. в Витулло с Мальты прибыла эскадра Спиридова, в составе которой были корабли «Святой Евстафий», «Святой Иануарий», «Трех Святителей»; пинк «Соломбала» и пакетбот «Летучий». В Витулло уже стояло купеческое судно под венецианским флагом, капитан которого был из славян. Граф Орлов нанял его в русскую службу и отправил в Витулло в ожидании прибытия флота. На судне имелось 20 пушек, и оно салютовало адмиральскому флагу по приходе его. Адмирал произвел капитана этого судна А.И. Поликути в лейтенанты, а судно, названное фрегат «Святой Николай», на другой день подняло русский фла г.

28 апреля к эскадре присоединился и отремонтированный в Генуе 66-пушечный корабль «Ростислав».

В трюмах каждого русского корабля находилось по одной разобранной малой галере (в некоторых документах они назывались полугалерами)[14]. 19 февраля части галер были све-

---

[13] Он же в разных документах – Витило или Витула.

[14] Галера – одно из древнейших гребных судов Средиземного моря. Главное назначение галеры – ведение боевых действий. Кроме того, галеры использовались в качестве посыльных судов и для перевозки начальства – венецианских дожей, Екатерины Великой и т.д. Длина средиземноморских галер в конце XVIII в.

зены с кораблей на берег, а уже 23 февраля все три галеры были собраны, оконопачены и спущены в воду. Галера корабля «Святой Евстафий» названа «Касатка», и командиром ее назначен Кумман. Галера корабля «Святой Иануарий» названа «Ласточкой», и командиром ее назначен шкипер этого корабля Лукавич. Галера корабля «Трех Святителей» названа «Жаворонком», а командиром назначен Николетти. На каждую галеру дано по 60 человек команды.

25 февраля прибыла греческая полакра[15] под названием «Генрик-Каррон» под командой Александра Алексиано. Она была нанята на нашу службу и в тот же день подняла русский фла г. На ней установили 12 пушек.

Во время пребывания флота в порту Витулло несколько больших партий греков под командой русских офицеров были отправлены в разные части Мореи, чтобы овладеть городами и главнейшими укреплениями.

Первая партия, названная Восточным легионом, состояла под начальством пехотного капитана Баркова. Барков имел под своей командой поручика Псаро – природного грека,

---

составляла от 50 до 60 м. Они несли 28—30 пар весел и 2 мачты с «латинскими» парусами. От 1 до 3 тяжелых пушек находилось на носу галеры. Кроме того, до 20 одно-трехфунтовых пушек и фальконетов могло размещаться в вертлюжных установках на носу, корме и по бортам. Полугалера – галера меньшего размера (менее 15 банок).

[15] Полакра (полака) – особый средиземноморский тип трехмачтовых судов, использовались в основном как торговые суда, но при необходимости переоборудовались в боевые. Парусное вооружение их варьировалось довольно широко, встречались и «латинские», и прямые паруса.

одного сержанта и двенадцать русских солдат с небольшим числом майнотов. Он получил от графа Федора Орлова приказание идти в Пассаво и там собрать майнотов и других греков, которыми нужно было пополнить этот легион. Через три дня, по прибытии его в Пассаво, то есть 21 февраля, к нему присоединились семь майнотских и греческих капитанов, партии которых усилили отряд Баркова до 1200 человек. 26 февраля капитан Барков пошел прямо на город Миситру (древнюю Спарту).

27 февраля Барков подошел к Миситре, рядом с которой находился укрепленный лагерь с тремя тысячами турецких солдат. Подходя к лагерю турок, капитан Барков разделил свой легион на две части. Поручик Псаро с одной из этих частей, состоящей из шести русских солдат и 500 майнотов, получил приказание сделать форсированный переход, скрываясь высотами, обойти правый фланг неприятеля и атаковать его с тыла, в то время как капитан Барков с остальной частью легиона будет медленно продвигаться вперед к фронту турецкого лагеря. Поручик Псаро совершил этот обход так быстро и удачно, что успел уже атаковать правый фланг неприятеля и его тыл, тогда как капитан Барков только еще готовился начать свое нападение с фронта. Это привело турок в такое замешательство, что они начали отступать на всех пунктах и наконец бросились в предместья Миситры. Сильно преследуемые, они заперлись в крепости, которая осталась, таким образом, в блокаде. В этом деле турки

потеряли около 100 человек убитыми. Со стороны же русских было до 30 убитых и 11 раненых майнотов.

После девятидневной блокады вода, проведенная в крепость простым водопроводом, была отрезана, и турки принуждены были сдаться. Они охотно согласились сложить оружие, отдать все имущество, обязались не служить более в эту войну против русских и только просили свободного пропуска из Мореи.

8 марта 3500 вооруженных турок (видимо, не только солдат, но и вооруженных жителей) вышли из ворот Миситры и сложили оружие.

Далее, чтобы избежать обвинений в тенденциозности, процитирую журнал капитан-командора С.К. Грейга[16]: «Но только что обезоружение их было закончено, как майноты, не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами, и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей. Капитан Барков с 12 русскими солдатами с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защитить турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи человек. Наконец Баркову с большим трудом и опасностью удалось привести остальных турок в предместье и расположить в греческих

[16] С.К. Грейг родился в 1736 г. в Шотландии. С разрешения британского правительства в 1764 г. лейтенант Грейг поступил на русскую службу и сразу получил чин капитана 1 ранга, но с условием проплавать год на русских кораблях стажером.

домах; он строго приказал им завалить двери и окна и для охранения их расставил на часы всю свою малочисленную дружину. Остервенение майнотов было до того велико, что они начали стрелять из ружей по русским часовым. Капитану Баркову осталось тогда только одно средство, чтоб отвлечь их ярость, – предать им опустелый город на разграбление. Этим ему удалось спасти несчастных турок, которые иначе, наверно, были бы лишены жизни. Между тем как майноты грабили город, несчастные старались скрыться; но, к сожалению, и эта мера оказалась недействительною: отряды майнотов, предпочитавших мщение и кровь богатой добыче, бросились за бегущими турками и множество истребили их по дороге. Настоящее число убитых здесь турок неизвестно; но вообще из них спаслись весьма немногие. Число турок, со включением жен и детей, доходило до восьми тысяч.

Некоторого оправдания такого бесчеловечия со стороны греков можно искать в жестоком с ними обращении их утеснителей. Как бы то ни было, но это происшествие, гибельное для турок, было столь же неблагоприятно к пользе русских и имело следствием все те неудачи, которые они впоследствии испытали в Морее. Если бы капитуляция была соблюдена со всею точностью, то очень вероятно, что ни одно из остальных укреплений, занятых турками, не было бы сильно защищено, так как турки начинали уже оставлять Морею и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Корон все еще держался; но нет сомнения, гарнизон его сопро-

тивлялся русским не столько от желания удержать за собой эту крепость, как от страха пройти без оружия через край, наполненный сильными партиями неумолимых греков. Во всяком случае, с этого времени начались неудачи русских при Морее, несмотря на то что сила их возросла впоследствии от прибытия остальной части флота».

Капитан Барков до 26 марта оставался в Миситре. Он старался усилить укрепления города, насколько это было возможно, так как майноты, находившиеся под его начальством, имели такое же отвращение к работе, как и расположение к грабежу.

Считая город достаточно укрепленным, чтобы противостоять внезапному набегу неприятеля, он оставил в нем гарнизон из 500 греков и 26 марта с остальными силами легиона двинулся к неукрепленному городу Леонтари, где нашел одних только греков. Здесь, к большой радости Баркова, его ждал отряд русских солдат, посланный к нему в подкрепление графом Федором Орловым. Отряд состоял из одного поручика, сержанта и двадцати рядовых с двумя легкими орудиями, при одном сержанте, капрале и двадцати матросах. Греки со всех сторон стекались под русские знамена, так что за несколько дней легион капитана Баркова возрос до восьми тысяч человек.

Барков со своим войском двинулся к городу Трополица, где было около шести тысяч вооруженных турок. По прибытии к городу он немедленно потребовал, чтоб губернатор

Селим-паша сдался. Греки, ослепленные прежними удачами и увеличением своих сил, не рассчитывали встретить сопротивление и думали, что паша тотчас согласится на предложенные условия. Но паша не давал ответа.

Турки, узнав о страшной участи, постигшей гарнизон Миситры, когда он сложил оружие, решили умереть с оружием в руках и скорее защищаться до последнего, чем видеть истязание своих жен и детей. Город не был в состоянии выдержать блокаду, и поэтому гарнизон, конный и пеший, вышел из городских ворот. При появлении турок греки решили, что они выходят с намерением сложить оружие, и в нетерпении точили ятаганы для возобновления резни. Из донесения капитана Баркова видно, что он был того же мнения и потому больше старался предотвратить повторение ужасной резни в Миситре, чем готовился отразить нападение неприятеля. Но действия турок скоро вывели его из этого заблуждения. Турки начали обход по равнине, чтобы избежать встречи с небольшим отрядом русских, находившимся впереди с двумя легкими орудиями, из которых Барков приказал стрелять при наступлении неприятеля. Со всей яростью отчаяния турки бросились во фланг грекам. Греки, испуганные таким неожиданным нападением, побросали оружие и пустились бежать, не пытаясь даже сопротивляться. Разъяренные турки резали их без пощады, и все, кто мог поднять ятаган или кинжал, бросились из городских ворот, чтобы принять участие в бою.

Капитан Барков, поручик Псаро и горсть русских солдат стояли посреди равнины, оставленные греками. Вскоре их со всех сторон окружили турки. Турки, хотя и одушевленные победой, были, однако, удержаны твердостью и искусными действиями этого небольшого отряда и не осмеливались к нему приблизиться. Окружив русских, они открыли по ним со всех сторон из-за кустарника и больших камней сильный ружейный огонь. Русские держались на месте, пока не потеряли одного сержанта и десять рядовых убитыми и несколько раненых. Заметив, что, куда бы они ни двинулись, турки немедленно отступали, они решились пробиться к тесному дефиле между гор, на той самой дороге, по которой они пришли. Русские вынуждены были бросить два полевых орудия. Из всего отряда только капитан Барков (получивший две тяжелые раны), поручик Псаро, один сержант и двое рядовых достигли тесного дефиле, к которому отступали и за которым турки уже их не преследовали. Поручик Псаро был послан в Миситру, чтобы удержать этот город, а капитана Баркова на лошади привезли в Каламату, а оттуда – на флот. Баркову удалось даже спасти знамя, он приказал снять знамя с древка и опоясался им.

Так кончилась эта экспедиция Восточного легиона. Миситра была все же удержана майнотами до полного ухода русских из Мореи. Тогда майноты оставили этот город и возвратились в свои горы, увезя с собой все богатства этого района Греции, совершенно ими разграбленного.

Князь Ю.В. Долгоруков овладел всей Аркадией, но из-за поражений Баркова был отозван обратно на побережье и послан к крепости Наварин.

Порт Витулло имел опасную и неудобную гавань, открытую западным и юго-западным ветрам. Поэтому адмирал Спиридов решил захватить крепость и порт Корон. Берегом к Корону был отправлен большой отряд майнотов. 27 февраля русская эскадра покинула Витулло и на следующий день бросила якорь в четырех милях к северу от Корона.

1 марта десантный отряд и часть матросов были высажены на берег, и началась осада крепости. В ночь с 1 на 2 марта русские построили осадную батарею. В 2 часа дня три корабля подошли очень близко к восточной стороне крепости, легли в дрейф и открыли сильный огонь. Береговая батарея между тем обстреливала северную часть города. Гарнизон отвечал весьма исправным огнем как кораблям, так и осадной батарее. Это продолжалось до захода солнца, но без особого вреда той или другой стороне. Весь следующий день 3 марта флот держался под парусами по восточную сторону крепости, но вне досягаемости пушечного выстрела.

С 6 по 9 марта бушевал шторм. Полакра «Генрик-Каррон» была выброшена на берег и разбита. В конце концов русским так и не удалось овладеть крепостью Корон.

Князь Долгоруков, подойдя по суше к Наварину, убедился, что город хорошо укреплен, и известил адмирала Спиридова, что крепость без артиллерии и правильной осады взять

невозможно. Поэтому адмирал 24 марта отправил к Наварину корабли «Святой Иануарий», «Трех Святителей» и фрегат «Святой Николай» с бригадиром артиллерии Ганнибалом[17] для руководства осадой.

При входе в залив корабли были обстреляны из крепости Наварин. Открыв ответный огонь, русская эскадра прошла мимо крепости в глубь залива и стала на якорь вне радиуса действия турецких орудий. На берег был высажен десант и выгружены осадные орудия. Бригадир Ганнибал устроил на возвышении к востоку от города одну батарею из восьми 24-фунтовых пушек и двух однопудовых единорогов, а другую – из двух 24-фунтовых пушек – к западу от входа в залив, на высоте, которая командовала городом. Батареи открыли огонь, и восьмипушечная в короткое время пробила просторную брешь в восточном валу цитадели, а двухпушечная нанесла значительный вред городу.

Губернатор Наварина не стал дожидаться штурма и сдал крепость. 10 апреля 1770 г. русские войска во главе с бригадиром Ганнибалом и капитаном Борисовым вступили в крепость. Трофеями русских стали 42 пушки, 3 мортиры и 800 пудов (13 тонн) пороха. Но главной добычей стала одна из самых удобных морских баз на Пелопоннесе. Ее гавань могла вместить любой флот. Глубины позволяли принимать су-

---

[17] Ганнибал, Иван Абрамович, сын знаменитого «арапа Петра Великого», приходился двоюродным дедом А.С. Пушкину. В 1772 г. он был произведен в генерал-майоры. В 1778 г. послан на Днепр для строительства Херсона. Умер в 1801 г. в звании генерал-аншефа.

да с наибольшей осадкой, а узкий вход был защищен укреплениями с обеих сторон.

Екатерина в Петербурге четко представляла себе ситуацию на Средиземном море и давала в большинстве случаев свои верные стратегические директивы. Она писала Орлову: «Моя мысль есть, чтоб вы старались получить порт на острове или на твердой земле и, поколику возможно, удержать оный. Сказав вам сие, признаюсь, что имею два вида: один тот, чтоб вас, пока ваша куча незнатно умножится, с малым числом не подвергнуть опасности, второй, что хотя б и ничего иного не сделали, то бы тем самым мы много для переду предуспели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во время мира, и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю. Если же дела ваши так обратятся, что вы в состоянии будете замыслить и более сего, то тогда и сей порт вам всегда служить может, не быв ни в каком случае вреден. На сие же едва не удобнее ли остров, нежели твердая земля, и то еще остров не самый большой; но, однако, порт на твердой земле будет же иметь и свои особые выгоды».

Екатерина II, как могла, торопила моряков в отправке подкреплений на Средиземное море. 9 октября 1769 г. из Кронштадта вышла 2-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона. Первоначально

в ее состав входили 66-пушечные корабли «Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь», 32-пушечные фрегаты «Надежда» и «Африка», а также три транспорта.

Подобно 1-й эскадре 2-я эскадра также не смогла добраться до места без потерь. Так, совсем новый корабль «Тверь» (спущен в 1765 г.) 13 октября во время шторма на Балтике получил повреждения грот-мачты и, отделившись от эскадры, отправился обратно. На следующий день у него сломались и упали в море фок-мачта и грот-мачта и треснула бизань. «Тверь» едва дошел до Ревеля. Корабль отремонтировали, но вскоре выяснилось, что он не в состоянии плавать даже в прибрежных водах Балтики, и в 1776 г. корабль был разобран в Кронштадте. Этот пример хорошо иллюстрирует качество кораблей, которые строились в начале царствования Екатерины. Как уже говорилось, все же корабли постройки до 1761 г. вообще по ветхости не могли идти в Средиземное море.

22 декабря 1769 г. эскадра Эльфинстона прибыла в Портсмут. Там флагманский корабль «Не тронь меня» был немедленно поставлен в док на ремонт.

В Англии эскадра Эльфинстона пополнилась кораблем «Святослав», который из-за повреждений покинул 1-ю эскадру и 27 декабря 1769 г. прибыл в Портсмут. В ходе ремонта на «Святославе» для улучшения мореходности был снят верхний дек, и он из 80-пушечного стал 72-пушечным. Пополнил ряды эскадры Эльфинстона и еще один неудачник из

1-й эскадры – «Северный Орел».

2 апреля 1770 г. эскадра Эльфинстона в составе кораблей «Не тронь меня», «Саратов», «Святослав», «Северный Орел», обоих фрегатов и транспортов вышла в море. Однако уже через 8 дней плавания на «Северном Орле» опять открылась сильная течь, и 16 апреля он вернулся в Портсмут. Стало ясно, что больше в море на «Северном Орле» выходить нельзя, и корабль был продан с торгов в Портсмуте, а вместо него посол Чернышев купил в Лондоне 40-пушечный английский фрегат и назвал его тем же именем. 29 августа 1770 г. экипаж старого «Северного Орла» перешел на фрегат «Северный Орел» и стал дожидаться подхода 3-й Архипелагской эскадры.

В начале мая 1770 г. Эльфинстон подошел к берегам Мореи и, не дождавшись указаний ни от Алексея Орлова, ни от Спиридова, высадил десантные войска в Колокифской бухте в порту Рупино и приказал им продвигаться к Миситре. Сам же Эльфинстон, услышав о близости турецкого флота, отправился отыскивать его и действительно 16 мая увидел турецкие корабли у острова Специя. Не обращая внимания на то, что турецкий флот, состоявший из 10 кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов, был втрое сильнее его эскадры, честолюбивый Эльфинстон, не дождавшись соединения со Спиридовым, бросился на турок.

Турецкий адмирал, полагавший, что перед ним только авангард русского флота, за которым следуют главные силы,

поспешил укрыться под стенами крепости Наполи-ди-Романия. Эскадра Эльфинстона преследовала турецкие корабли и даже вошла в зону огня турецких береговых батарей. После трехчасовой перестрелки на больших дистанциях Эльфинстон отошел. Наши корабли получили незначительные повреждения, 10 человек были убиты и ранены.

Продержавшись пять дней у входа в Навплийский залив и получив сведения, что эскадра Спиридова находится в Колокифской бухте, Эльфинстон пошел навстречу адмиралу и соединился с ним 22 мая у острова Цериго.

После ухода эскадры Эльфинстона турецкий флот поспешил выйти из Навплийского залива, и наши соединенные эскадры настигли его уже у острова Бельпуло, где Эльфинстон со своих кораблей с предельной дистанции (2—3 версты) открыл по неприятелю огонь, который был малоэффективен из-за большого рассеивания ядер и слабого их действия. Преследуемые в продолжение двух дней турки наконец скрылись из виду между островами Зея и Фермо, а наш флот зашел в залив Рафти, чтобы пополнить запасы пресной воды.

Между тем отряд Эльфинстона успел овладеть у Негропонта 4-пушечной неприятельской батареей. Действия Эльфинстона были чистейшей воды авантюрой. Используя несколько часов полного штиля, когда парусные корабли Эльфинстона были неподвижны, турки могли, применив для буксировки своих кораблей многочисленные гребные суда,

окружить русских и полностью уничтожить. Только нерешительность турецкого командующего Хасан-бея спасла Эльфинстона.

Екатерина постоянно хитрила в кадровых вопросах. В результате и Спиридов, и Эльфинстон считали себя независимыми как друг от друга, так и от Алексея Орлова и обосновывали это данными им рескриптами императрицы.

У Орлова же тоже был рескрипт, но куда более весомый. В нем Екатерина приказывала всем, в том числе Спиридову и Эльфинстону, подчиняться приказам Орлова так, как если бы они исходили от самой императрицы. В подтверждение этого Орлов приказал поднять на корабле «Трех Иерархов» кайзер-фла г.

Алексей Орлов был энергичен, хитер и жесток, но ему пристало быть скорее не военным, а администратором, поскольку он никогда не командовал ни дивизией на суше, ни ботом на море.

Орлов приказал прекратить осаду Корона. Но вместо того чтобы сосредоточить все силы у Наварина, к которому стягивались турецкие войска, Орлов решил брать крепость Модон. Однако в сражении под стенами Модона греческое ополчение при первом же натиске турок обратилось в паническое бегство. Немногочисленные русские десантники отступали организованно, но были вынуждены бросить всю артиллерию. Затем турки осадили Наварин. Орлов приказал взорвать укрепления Наварина, а войскам эвакуироваться на

корабли.

11 июня все корабли русских сосредоточились у острова Милос. Командование флотом принял на себя Орлов, подняв кайзер-флаг на корабле «Трех Иерархов».

В донесении Екатерине Орлов причиной всех неудач выставил поведение греков. Екатерина поверила или по крайней мере сделала вид. Она утешала Орлова: «Хотя мы и видим теперь, что Морейская экспедиция не соответствовала своими следствиями мужественному от вас предпринятому ее отверстию по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства, кои особливо под Модоном толико пакости причинили».

Глава 3
Пламя Чесмы

В начале июня 1770 г. турки собрали в Архипелаге довольно мощный флот: шестнадцать кораблей (один – 100-пушечный, один – 96-пушечный, четыре – 84-пушечных, два – 74-пушечных, восемь – 60-пушечных), две 50-пушечные каравеллы, шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек[18], галер, полугалер и других судов. На борту их находились 15 тысяч человек и 1430 орудий.

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назначенный на пост капитана-паши (капудан-паша, как произносили турки) за два месяца до этого, 26 апреля 1770 г. Ибрагим плохо разбирался в морском деле и был порядочным трусом. Фактическое руководство часто переходило в руки его заместителя – алжирца Гасана (Хасана) по прозви-

---

[18] Шебека – парусно-гребное судно, обычно трехмачтовое, причем основным движителем был парус. Число пар весел колебалось от 8 до 12. Использовалось как торговое и военное судно. Особо любили шебеки алжирские и египетские пираты. Причем пираты, если ветер был легкий и дул с кормовых направлений, на фок– и грот-мачтах ставили реи со сравнительно широкими прямыми парусами. Если ветер начинал дуть сбоку и прямые паруса не были достаточно эффективны, то пираты быстро снимали прямые паруса и их реи, а вместо них поднимали косые «латинские» паруса. В отличие от галер шебеки несли артиллерию среднего калибра по бортам: 12—30 орудий. Орудийные порты располагались на одном уровне с отверстиями для весел. При стрельбе гребля была невозможна.

щу Джесайрлы, способного и храброго моряка.

Русская эскадра формально была значительно слабее, в ней насчитывалось девять кораблей, три фрегата, одно бомбардирское судно, три пинка, один пакетбот (второй пакетбот – «Летучий» – разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, 6500 человек и 608 орудий. Термин «зафрахтованные суда» употребляется в большинстве наших официальных военно-морских изданий. Но на самом деле это были корабли греческих пиратов, присоединившиеся к русской эскадре. Часть их была куплена в казну, но владелец, как правило, оставался капитаном, а экипаж состоял из «добровольцев» – греков. Подробнее о них мы поговорим позже.

Вечером 23 июня русская эскадра вошла в Хиосский пролив, где стоял на якорях турецкий флот. Увидев силы неприятеля, растерявшийся Орлов поехал на «Святом Евстафии» к Спиридову с традиционным русским вопросом – «Что делать?». Адмирал предложил решительно атаковать противника тремя колоннами.

В первую колонну (авангардию под командованием Спиридова) вошли флагманский корабль «Святой Евстафий» (командир – капитан 1 ранга Круз), корабль «Европа» (командир – капитан 1 ранга Клокачев) и корабль «Трех Святителей» (командир – капитан 1 ранга Зметевский). Около первой колонны должны были держаться фрегат «Святой Николай», бомбардирский корабль «Гром» и пакетбот «Поч-

талион».

Во вторую колонну (кордебаталию под флагом главнокомандующего) вошли корабли «Трех Иерархов» (командир – капитан-бригадир Грейг, он же фактический командующий кордебаталией), «Святой Иануарий» (командир – капитан 1 ранга Борисов) и «Ростислав» (командир – капитан 1 ранга Лупандин).

В третью колонну (арьергардию под командованием Эльфинстона) вошли корабли «Не тронь меня» (командир – капитан 1 ранга Бешенцов), «Святослав» (командир – капитан 1 ранга Роксбург) и «Саратов» (командир – капитан 2 ранга Поливанов). С третьей колонной должны были держаться, «действуя по обстоятельствам», фрегаты «Надежда Благополучия» и «Африка».

К рассвету 25 июня суда объединенной эскадры заняли места, отведенные им в колоннах.

В начале восьмого часа на мачтовых фалах «Трех Иерархов» взвился сигнал: «Гнать на неприятеля!»

За передовым кораблем «Европа» (капитан Клокачев) шел Спиридов на корабле «Святой Евстафий». «Европа», подойдя к ближайшим кораблям неприятельской линии на дистанцию около кабельтова, привела к ветру на левый галс и открыла огонь. Но вскоре, по настоянию лоцмана, объявившего, что курс ведет на камни, Клокачев должен был поворотить на правый галс и выйти из линии. Тогда на «Святой Евстафии» сосредоточились выстрелы трех турецких кораб-

лей, из которых самый большой и ближайший был корабль главнокомандующего «Реал-Мустафа».

Адмирал Спиридов был так рассержен, что не удержался и закричал командиру «Европы» Клокачеву: «Поздравляю вас матросом», то есть на глазах у всей эскадры обвинил его в трусости и грозил разжаловать. Фактически же капитан Клокачев далеко не был трусом и во время дальнейшего развития боя блестяще доказал это.

Место «Европы» было занято кораблями «Евстафий» и «Трех Святителей». Последний скоро получил настолько серьезные повреждения парусов, что не мог держаться в строю и навалился на линию противника. Сразу же его место было занято кораблем «Иануарий», вслед за ним шел корабль «Трех Иерархов».

В 12 ч. 30 мин. бой был в полном разгаре. Корабль «Трех Святителей» под огнем противника благодаря самоотверженной работе личного состава исправил свои повреждения и снова вышел в линию четвертым кораблем. За ним вошел в строй «Ростислав», а затем «Европа». Находившиеся же в арьергарде три корабля Эльфинстона успели подойти только к концу сражения.

Ветер совсем стих. В центре сражения оказался «Святой Евстафий», подошедший к турецкому флагманскому кораблю на ружейный выстрел и все более и более сближавшийся с неприятелем. Спиридов с обнаженной шпагой ходил по юту. Поставленным тут же музыкантам приказано было «иг-

рать до последнего». Сражающиеся корабли медленно сближались. На «Святой Евстафии» перебитый такелаж и рангоут, поврежденные паруса и множество убитых и раненых не представляли возможности отойти от противника, с которым перестреливались уже из ружей и пистолетов. Наконец корабли свалились в абордаже, и начался отчаянный рукопашный бой, во время которого загорелся турецкий корабль, и его грот-мачта, охваченная огнем, упала поперек «Святой Евстафия». Искры посыпались в открытую крюйт-камеру, и «Святой Евстафий», а вслед за ним и флагманский турецкий корабль взлетели на воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.